

ВЫНУЖДЕН ОТВЕТИТЬ

На сей раз гагрская независимая газета «Взгляд» (1991, № 4, октябрь) в лучших погромных традициях обрушили свой гнев на мою книгу «Очерки политической истории Абхазии» (Сухум, 1990). При этом издатели газеты Тенгиз Габуния, Валерий Орчукба и Арсен Хеция, как и редакция радиостанции «Голос Америки», решили сделать следующую оговорку: «Мнение авторов публикаций не обязательно совпадает с точкой зрения редакции газеты». Но это оправданно лишь в том случае, когда редакция имеет свою точку зрения. А потом не ясно, кто же все-таки редактор газеты «Взгляд»? Или редактор — это трое издателей?

ПОСВЯЩЕННЫЙ мне в моей книге материал занимает добрую половину всего номера «Взгляда». Его автором является директор Гицундского исторического музея З. Аргба. Статья построена только на эмоциях, совершенно непрофессиональна, не содержит вообще никаких документов, передергивает факты, смешает акценты и по сути дела ничего не опровергает.

Автор статьи упорно называет книгу «брошиорой» и «книжонкой»... под названием «Посеешь ветер, пожнешь бурю...» бурю в стакане воды?

Убежден, что Агрба в моей книге прочитал лишь последние 40 страниц, т. е. краткую политическую биографию Генс-тора Яакоба. Первые же 100 страниц он, судя по всему, забыл прочесть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что последний очерк книги он воспринимает как отдельную «брошюру» и «книжонку». Хочу посоветовать уважаемому директору музея впредь читать книги с начала, а не с конца, чтобы они потом не мерещились «брошюрами».

Созиная, по всей видимости, всю уникальность своего автора, издатели «Взгляда» поступили, на мой взгляд, очень предусмотрительно, поместив от себя еще одну весьма существенную оговорку: «за достоверность имен, фактов и других опубликованных данных ответственность несет автор». Таким образом, они сами поставили под сомнение публикацию З. Агоба.

Что же вызвало его гнев? На стр. 131—132 я даю краткую документальную характеристику деятельности А. С. Аргроа, который долгое время работал в аппарате ЧК и был одним из самых доверенных людей Берия. После гибели Н. Яакова, он, А. С. Аргроа, возглавил правительство Абхазии и с февраля по сентябрь 1937 г. был председателем местного ЦИКа. При нем же и при его участии в Абхазии в 1937 г. начались массовые репрессии. Оправдывает ли документально этот факт З. Аргроа? Нет. И не в состоянии его опровергнуть. Он лишь в ярости заявляет, будто я возвожу напраслину на А. С. Аргроа и даже сочиняю на него «пасквиль».

Но так ли это? Обратимся к документам и той «специальной литературе», которую рекомендует мне прочесть мой оппонент. Предварительно хотел бы только отметить одно весьма существенное обстоятельство: З. Аргба не только директор, но и племянник Цлемянинов А. С. Аргба. Но об этом почему-то умолчал в своей огромной статье. Как видим, его заинтересованность более чем очевидна.

З. Агрба отмечает: «...Автор «Очерков» тенденциозно пишет о репрессиях в Абхазии во времена А. Агрба на посту председателя ЦИК. Вопрос репрессий в Абхазии очень болезненный, сложный. До недавнего времени абхазская интеллигенция по определенным, возможно, и разумным мотивам считала не нужным «оглашать» все, учитывая нежелательные и непредвиденные осложнения в отношениях между родственниками репрессированных и других личностей в маленькой Абхазии. Но если автор брошюры считает, что сегодня наступило время сказать правду, то она должна быть полной... Когда речь идет об А. Агрба, необходимо учесть, когда он «объявился» в Абхазии. Известно, что первая волна репрессий в Абхазии наступила до него, а вторая после его гибели. Можно было привести множество примеров, как А. Агрба, еще пока находясь на свободе, спас жизнь многим товарищам, рискуя собственной жизнью».

Ясно, конечно, что слова эти были сказаны не без ведома Лаврентия Берия, который в свою очередь является вернейшим рупором «отца советского народа» Иосифа Сталина-Джугашвили. Таким образом, получается, что не только грузинификатор абхазцев Берия, но и его московский патрон Сталин не свободны от проявлений «местного национализма», который в иных районах СССР преследуется немилосердно. Такова логика советской действительности, созидаемой Сталиным» (См.: Северный Кавказ, 1937, № 41, сентябрь, с. 39).

Таким образом, происходило распределение не только территорий, народов, но даже их языков, а Сталин, созиная большую империю, не забывал и о Грузии.

Переход абхазской литературы и письменности на грузинский алфавит осуществлялся при прямом участии Берия. В Абхазии эту кампанию возглавил верный ему человек, председатель ЦИК А. С. Аргба, который уже в марте-апреле 1937 г., совместно с секретарем обкома партии М. Гобечиа, приступил к реализации этого плана. Именно они оказали решающее воздействие на группу видных абхазских интеллигентов, заполучив от них желаемый документ — письмо о целесообразности перехода на новую грузинскую графику.

Трагедия А. Агрба заключалась в том, что его борьба против Н. Лакоба и соратников последнего постепенно переходила в борьбу против своего народа.

В конце 1923 г. А. Агрба переводится на работу в Закавказскую чеку. С этого времени и вплоть до 1937 г. он находился в ближайшем окружении Берия. А после назначения Лаврентия в 1931 г. на пост первого секретаря ЦК Грузии — стал председателем Закавказского ГПУ. О том, что он был одним из самых доверенных людей Берия, говорится и в «специальной литературе», в частности, в «Военно-историческом журнале» за 1990 год. Дошло до нас и еще одно свидетельство: «Был такой работник органов НКВД и партийных органов Агрба, которого направляли работать в Абхазию

тому поводу в печати отмечалось: «А. Агрба был одним из самых активных участников борьбы с антисоветскими, кулацко-контрреволюционными выступлениями в отдельных районах Азербайджана».

Эти слова принадлежат не мне.

Можно себе представить, что было бы с Абхазией, если бы колLECTIVизация здесь проводил такой человек, а не И. Лавоба. Подручный Берия выполнил бы любой приказ свыше. Как бы он повел себя, например, в феврале 1931 г. в Гудаутском районе в дни общенационального схода абхазского народа (З. Агрба даже не знает, что события эти имели место в 1931, а не в 1934 г.) — «кулацко-контрреволюционного, антисоветского выступления» по терминологии Берия, требовавшего пустить в ход артиллерию?

Лакоба сохранил свой народ, уберег его от массовых репрессий, которые повсеместно утверждались в стране. Он не проводил коллективизацию насильственными методами, не выполнял план по арестам и ликвидации «троцкистов»... Если бы коллективизацию провели как «положено», то добрая половина абхазского народа оказалась бы в Сибири, а другая была бы уничтожена. Только за это Н. Лакоба заслуживает уважения и доброй о себе народной памяти. За то, что не выполнил слепо приказы, даже сталинские, хитрые, ловчие, изворачивался и, к счастью, не относился к категории большевистских фанатиков.

Автор статьи отмечает, что карьера Н. Лакоба «шла по восходящей линии, а статус Абхазии по нисходящей». Как это могло быть, когда он с 1922 по 1936 г. являлся главой правительства, находясь в течение 15 лет на одном уровне власти. Самом высоком, между прочим. Что касается изменения статуса Абхазии, то в моей книге (с. 88—91) довольно подробно говорится, как это все происходило и в каком безвыходном положении оказался Лакоба. Вопрос о статусе Абхазии был предопределен самой расстановкой политических сил в Кремле и может быть в 1931 г. произошло не само

коба втянут в круговорот интриг, из которых ему не вы- браться вплоть до трагических дней, которые история уго- вила ему в самом конце его жизни». Не делают чести автору статьи и вот такие обороты: «Нужно было быть не только глухим, но и слепым...». Остальное — и повторять не хочется. А жаль: Я знал автора как порядочного человека.

З. Агрба упрекает меня и за слова Г. Зиновьева, которые неприемлемы для него даже в виде шутки, т. к. это «не скромно со стороны автора-однофамильца». Но на мой взгляд, это прежде всего факт истории и своеобразный колорит 20-х годов. Он считает «фамильным» заключительный очерк моей книги. Но дело в том, что Н. Лакоба в течение 15 лет возглавлял не род Лакоба, а Абхазскую республику и уверен, — очень многим было интересно ознакомиться с политической биографией этого человека и его поистине трагической судьбой.

Нестора Лакоба знала тогда вся страна. Алексея Агрба хорошо знали только в аппарате Берия. Конечно, Агрба не любил никаких излишеств, был очень скромным на службе, чтобы «во время приема рядовых граждан не вызывать смущения, их растерянности (сколько ханжества, лицемерия! и так «было засвездено у А. Агрба в Тбилиси и Баку». Точно такими же «скромными», «неприхотливыми» людьми были и Сталин и Берия, очень скромно начинавшие в Тбилиси и Баку. А еще, оказывается, А. Агрба кого-то спас от репрессий. Что ж, бывает. А разве Сталин и Берия не спасали единицы, уничтожая при этом миллионы?

Крайне возмутился автор статьи и такой моей фразой «В начале следующего, 1937 года, Алексей Агрба вновь объявился в Абхазии». Возмутился даже не фразой, а словом «объявился». Да, Абхазия была его родиной, но он действительно объявился в ней, потому что прибыл в свой дом по приказу Берия в роли проводника его политики репрессий Абхазии.

Слово «объявился» настолько задело З. Агрба, что он посчитал почему-то «уместным напомнить» о заграничной командировке Н. Лакоба в Турцию в 1920 г., в то время, как А. Агрба, дескать, находился в тюрьме. Что автор хотел этим сказать, — неизвестно. Ведь не за кожаными куртками Н. Лакоба ездил тогда в Турцию, т. е. в тот момент, когда А. Агрба томился в тюрьме. А разве Нестор не сидел в той же тюрьме при меньшевиках, да и в Турции подвергался аресту.

Далее директор музея отмечает: «Трудно согласиться автором и в таком вопросе, как поездка Е. Эшба в Турцию (1920 г.) по поручению В. И. Ленина. Общеизвестен тот факт, что группа из Абхазии возглавляла Е. Эшба, а не Е. Эшба и Н. Лакоба». Во-первых, нигде в своей книге я не пишу, что Эшба и Лакоба возглавляли эту поездку. Во-вторых, нельзя не сказать следующее. В сентябре 1920 г. в Баку проходил съезд народов Востока. На нем был избран руководящий Совет пропаганды и действия, в который вошли Эшба и Лакоба. По решению этого Совета, Кавбюро РКП(б) и лично ему указанию Ленина «абхазская группа» направилась (декабрь 1920—март 1921 г.) в Турцию. В Турции эта группа разделилась на две части, одна из них во главе с Эшба участвовала в Анкаре в переговорах с Кемаль-пашой, а другая под руководством Лакоба, хорошо владевшим турецким языком, вела подпольную работу в городах Ризе, Трапезунд и Константинополе. Вот и все, что я могу сказать по данному поводу.

Не выдерживает никакой критики и вот такое заявление Н. Лакоба не был сторонником разумной консолидации горских народов, возвращения абхазских махаджиров на их историческую родину». Опять не очень понятно: он что, при надлежал к сторонникам «неразумной» консолидации? Где факты? Еще в 20-х годах Нестор активно занимался проблемой махаджиров. Именно он являлся инициатором письма абхазов махаджиров из Греции, которые ставили вопрос о возвращении на родину. Договоренность о их переезде была достигнута, и в самый последний момент МИД СССР пересмотрел это свое решение. В архиве сохранились интересные документы того периода — коллективные и личные письма изгнанников на имя Нестора Лакоба. После его гибели Берия, в связи с этим вопросом,ставил ему в вину «турецкую ориентацию» в политике. В 30-х гг. обстановка в стране резко изменилась. Нестор в официальных речах вынужден был порой высказываться иначе по скользкой махаджирской проблеме. Но удивительно, что одновременно, в деловой конфиденциальной переписке он продолжал нащупывать нити практического решения вопроса абхазских беженцев на самом высоком государственном уровне. По этому поводу в некоторых селах даже созывали большие крестьянские сходы, однако, как это ни странно, подлинная проблема далеко не всегда встречала понимание и поддержку в самом народе.

Станислав ЛАКОБА:

«Я - ЗА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ»

Да, действительно, у нас до недавнего времени приставалих к репрессиям находили только «на стороне», а о «своих», за исключением одного-двух имен, вообще не упоминали. Поэтому я тоже считаю, что правда по возможности должна быть полной. Что касается репрессий, то первая волна массовых репрессий началась именно при А. С. Аргба. Не кто-нибудь, а именно он первым в Абхазии произнес: «враг народа» Н. Лакоба, «враг народа» В. Ладария и др.

В свое время не я, а один из авторов отмечал: «В феврале 1937 года А. С. Аргба был назначен Председателем ЦИК Абхазии. За сравнительно короткий период он сделал немало для укрепления рядов Абхазской партийной организации, беспощадно борясь против троцкистов и других антипартийных элементов, неуклонно отстаивая ленинскую линию по всем вопросам экономического, политического и культурного развития в Абхазской АССР».

Как известно, троцкисты в 1937 г. были объявлены не только Нестором, Василием, Михаилом Лакоба, но и В. Ладария, М. Чалмазом, В. Зантария, Д. Джергени и многие другие видные политические и общественные деятели Абхазии, с которыми «осенсподадно» боролся Алексей Аргба.

В книге я оганичился очень скромной характеристикой его деятельности. Однако после упреков и обвинений в мой адрес, уважаемого директора из Пицунды, жаждущего узнать «полную правду», я вынужден привести некоторые дополнительные документальные материалы по затронутой теме. Так, 1 августа 1937 г. в «Советской Абхазии» был напечатан доклад председателя ЦИК А. С. Аргба на VIII Чрезвычайном съезде Советов Абхазии, «коммунистическая партия Грузии во главе с товарищем Берия, — говорит Алексей Аргба, — по-сталински разоблачает и громит всех контрреволюционеров, всех террористов-бандитов, как бы они ни двурушничали...». С «особой силой» он подчеркивал: «Здесь, у нас в Абхазии, благодаря руководству Центрального Комитета КП(б) Грузии, личной помощи и внимания товарища Берия абхазской партийной организации и органам НКВД Абхазии, удалось разоблачить контрреволюционную шайку в лице М. Чалмаза, М. Лакоба, Д. Кучулория, В. Зантария, В. Амазар, В. Ладария, Л. Киут и других».

Подробно доклад А. С. Аргба был процитирован и в тбилисской газете «Заря Востока» от 4 августа 1937 года.

Откликом на это выступление стала небольшая, но очень ценная заметка под названием: «Сталин — «местный шовинист», опубликованная на русском языке уже в сентябре 1937 г. в эмигрантском журнале горцев «Северный Кавказ» (издавался в Варшаве).

Как известно, после Октябрьской революции алфавиты многих народов СССР (кроме грузинского и армянского) подверглись латинизации, а затем были переведены на русскую графику. «Но, оказывается, — говорится в комментарии «Северного Кавказа», — в привилегированном положении находится не только русский язык и алфавит. Таким же положением пользуется и ГРУЗИНСКИЙ язык. Об этом свидетельствует выступление председателя ЦИК Абхазской АССР А. Аргба, выдержки из которого приводятся в «Заре Востока» от 4 VIII 1937 г. Аргба обрушивается на свое предшественника, на посту председателя ЦИК, недавно умершего Нестора Лакоба, «если бы, — говорит он, — не изменил и не попытался цинично продажи интересов трудящихся Абхазии со стороны подых врагов народа — Н. Лакоба, В. Ладария и их приспешников, то достижения советской власти в Абхазии были бы неизмеримо выше, и на то имеются все объективные условия».

Из дальнейшего узнаем, — продолжает «Северный Кавказ», — что в число «достижений советской власти» входит и перевод абхазского алфавита с латинской на грузинскую основу.

«Старое руководство Абхазии, — продолжает Аргба, — в лице Н. Лакоба и В. Ладария, котороеказалось насквозь прогнившим и заряженным местным национализмом и шовинизмом, максимально вело политику изоляции себя от грузинской культуры, от братской помощи советской социалистической Грузии. Переход на грузинский алфавит разрешит раз, навсегда проблему упорядочения и развития абхазского литературного языка и абхазской письменности, ибо фонетические особенности абхазского языка не может отразить ни один другой алфавит так близко, как грузинский алфавит».

зию, а затем в Баку... Аргба был близким человеком Берия, поскольку после дела Лакоба Аргба был направлен в Абхазию. Слова эти принадлежат сыну Берия, Сергею Лаврентьевичу, и взяты из протокола его допроса от 25 августа 1954 года...

Касаясь вопроса о переводе А. Аргба из Абхазии в Тифлис в конце 1923 г., автор статьи пишет, что мною «дается искаженное tolkzovanie по поводу возникавших конфликтов между Н. Лакоба и А. Аргба». Он пытается оспорить мою фразу: «Это был тот самый Алексей Аргба, дело которого за склоку против Нестора разбиралось в 1924 г., после чего он, едва не лишившись паспорта, уехал из Абхазии».

Что здесь неверного? Передо мной протокол заседания Партиколлегии Закавказской Краевой Контрольной Комиссии РКП от 9 января 1924 года. В нем говорится о «групповой борьбе» с участием А. Аргба против Н. Лакоба, а в постановительной части сказано: «Вопрос о т. Аргба выделить в самостоятельное дело и поставить в зависимости от дальнейшего пребывания в партии». В заключение говорится: «Всех вышеуказанных т. снять с работы в Абхазии». И подпись под протоколом: Председатель ЗКК Н. Лакоба.

Мой рассказ о первом приезде Аргба в Абхазию в качестве секретаря обкома партии в начале 1936 г. и его взаимоотношениях с Лакоба базируются на архивном материале. А на чем основаны домыслы З. Аргба, остается неизвестным. Например о том, что «при появлении Н. Лакоба с опозданием, непременно все должны были вставать и встречать его аплодисментами». Никогда Лакоба на заседаниях обкома партии не встречали аплодисментами, а вот вставать — действительно вставали. Уверен, что и З. Аргба, когда он появлялся в своем музее, встречают по-абхазски стоя.

Далее мой оппонент пишет: «Если автор интересовался личностью А. Аргба, то он должен был догадаться, почему А. Аргба именно с 1934 г. переходит на партийную работу, оставил органы ЧК».

Что ж поделаешь, не все такие догадливые. Тем более, что здесь и догадываться-то не о чем. Все было проще: Берия приказал, Аргба пошел. Пошел с поста председателя ГПУ Азербайджана на пост второго секретаря ЦК Азербайджана. Берия ведь тоже с 1931 г. находился не в ГПУ, а в главе закавказской партийной организации, которая и направляла адскую машину репрессий. Именно с начала 30-х гг. партийный аппарат страны наводняется чекистскими кадрами.

Так, в вышедшей в Москве документальной книге «Берия: конец карьеры» (1991 г.) говорится, что между Берия и Багировым в Баку в 1934—1938 гг. шел широкий обмен кадрами. Причем более усердствовал Берия, который хотел во всему Закавказью насадить своих людей. Прибывающие из Тбилиси на работу в Баку берневские ставленники поначалу назначались в чекистские организации, а затем или на появление в советский и партийный аппарат. Все это делалось, с ведома Багирова» (с. 346). Вот Вам и ответ, уважаемый З. Аргба, который освобождает нас от всяких «догадок».

В упомянутой книге о Берия приведены и другие интересные свидетельства его бывших «сподвижников».

В первом из них сказано: «Вскоре «свои» люди из чекистских работников, как показал Мичурин-Равер, старательно помогавшие Берия стать «вождем», были расставлены по всему Закавказью». «В эту группу, — сообщил Мичурин-Равер, — особо доверенных людей Берия входили в Грузии: Саджая, Меркулов, Кобулов Б., Кобулов А., Мильтей, Деканозов, Чанава, Гоглидзе, Рапава, Церетели, позднее — Рухадзе; в других республиках Закавказья — Багиров, Аргба, Мугдуси, Цатуров и другие. Всех этих людей, кроме Багирова, Берия сам выдвигал на руководящую работу в чекистских органах...» (с. 370).

Во втором свидетельстве говорится: «Став первым секретарем крайкома, — рассказывает Цатуров, — Берия продолжает руководить и направлять работу Закавказского ГПУ, он производит, если образно выражаться, «чекицию» партийного аппарата. Ряд приближенных, доверенных лиц был им направлен на партийную работу» (с. 371—372). Таковы факты «специальной литературы».

Аргба был направлен в Азербайджан прежде всего для пребывания репрессивной политики. Несколько лет назад по

худшее, что могло бы случиться с Абхазией. От самого худшего Абхазию и ее народ уберег Нестор. А что произошло здесь при другом, менее гибком лидере, предположить не трудно. (Вообще хотел бы особо заметить, что почти половина статьи З. Аргба — это неудачный пересказ моей книги с довольно примитивными комментариями и беспомощными попытками навести тень на плетень. Не лучше ли внимательно прочитать саму книгу?).

Вместе с тем совершенно очевидно, что при жизни Нестора, с 1931 по 1936 гг., автономная Абхазия «оставалась по сути такой же республикой, как и раньше, и чтобы окончательно превратить в жизнь план «автономизации» Абхазии, Нестора необходимо было убрать» (с. 91). Так сказано в «Очерках». А З. Аргба приписывает мне слова о «независимости» Абхазии в этот период, с которыми сам и полемизирует. Другое дело, что Лакоба, благодаря своему авторитету и связям в Москве, не давал развернуться Берия в Абхазии. До 1936 г. он умудрялся проводить все же самостоятельную политику, отстаивая интересы Абхазии вопреки натиску Тифлиса и Москвы.

В августе 1936 г. с первыми переименованиями, в частности, города «Сухум» — в «Сухуми» — наступил перелом в таковой политике. З. Аргба пишет, что это произошло при жизни И. Лакоба. Но не знает, что случилось это вопреки воле Лакоба, который еще в 1935 г. направил докладную записку в Москву, в которой он протестовал против намечаемого огрудинивания топонимических названий Абхазии и переименования города в «Сухуми». К счастью, этот документ сохранился и скоро увидит свет.

В августе 1936 г. произошли переименования и других городов страны. И вот З. Аргба задает вопрос: «А как же быть с такими изменениями, как Тифлис—Тбилиси, Кутаис—Кутанс, Батум—Батуми?.. Неужели он забыл, что эти города грузинские и их переименование дело самих грузин, а вот изменения в написании абхазского города на грузинский лад, как и убыхского «Соча» в «Сочи» — приобретают совершенно иной смысл и расцениваются как одна из составных частей политики ассимиляции.

Не сумев предъявить никаких серьезных обвинений Н. Лакоба, которого племянник А. Аргба то и дело оскорбляет, он в конце концов делает очень важное признание: «До гибели Лакоба не было массовых физических репрессий, но были репрессии моральные, особенно в адрес абхазской интеллигенции».

В чем же заключались «моральные репрессии»? В том, что он способствовал росту абхазской интеллигенции? В том, что десятки молодых абхазцев, представителей других национальностей, на ступени абхазского правительства обучались в лучших вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, других городов страны? Он отправлял на учебу и таких людей, которым грозили репрессии; спасал их от тюрем и лагерей.

В то же время у него не могло не быть определенных противоречий, конфликтов с отдельными известными в Абхазии личностями. Но это ведь естественно... Так было во все времена. А разве в 70—80-х гг. не было «моральных репрессий»?

Я далек от идеализации образа П. Лакоба. Этого и нет в моей книге. А на стр. 122 есть такие строчки поэта Семена Лишкина:

Он знал, какие хитрости в цене,
Порою шел от правды в стороне,
Порою по кривым ступал дорогам.
Когда же превращался он в кристалл?
Когда он за Абхазию стоял.

Моей задачей было показать ту атмосферу интриг, коварства и политического авантюризма, в которой далеко не просто было вести небольшой корабль под названием «Абхазия». При жизни, поскольку это возможно было, он оберегал и спасал свой любимый корабль, во имя которого положил свою голову, жизни своей матери, жены, сына, братьев, близких. И мне кажется, З. Аргба бывает порой не очень корректным: «Как видно, уже в раннюю пору своей карьеры Лакоба

чала понимание и поддержку в самом народе.

Далее З. Аргба отмечает, будто мною принижена, «порой в оскорбительном тоне, роль других известных деятелей Абхазии». В качестве подтверждения он приводит следующий пример из моей книги: весной 1918 г. очамчиры Абхазии не поддержали идею советской власти в крае, т. к. Эшба «выдал» в феврале 1918 г. большевистским морякам своего друга детства и односельчанина князя Н. Эмухвари. «Но при этом, — подчеркивает автор статьи, — замалчивается тот факт, что другого выхода в данной ситуации у Е. Эшба не было».

Хочу спросить: разве не было такого факта? Разве не интересуются абхазы тем, почему одни поднялись, а другие их не поддержали? А если все это правда, то в чём моя вина? На мой взгляд, выход был один — не выдавать друга детства Николая Эмухвари, а с ним и его молочного брата Смела Бадия, с которым вместе они приняли мученическую смерть на корабле. Все дело в том, что большевик Эшба видел в Эмухвари не друга детства, а исключительно белого офицера Абхазской сотни «Дикой дивизии», т. е. «классового врага». Для кадорских же абхазов-крестьян (все действующие лица тех событий были именно из той части Абхазии) это было страшным преступлением, и потому советскую власть в Сухуме в апреле—мае 1918 г. во главе с Е. Эшба они, конечно же, не поддержали. Как видим, определяющей во всей этой политической ситуации была этическая сторона вопроса. Не учитывать столь важный момент при написании полноценной истории Абхазии просто невозможно.

Статья оппонента переполнена всякими домыслами. Так, он пишет: «А. Аргба прекрасно знал, на что шел, возвращаясь в Абхазию в роковой 1937 году. Но он до последнего трагического дня не покинул свой пост, несмотря на все уговоры близких уберечь себя, он вынес все пытки, длительные и страшные, не выдав других безвинных лиц, как это делали многие против себя и против других, не выдержав адских пыток».

Странно, если он знал, на что шел в «Абхазию в роковом 1937 году», то почему тогда пошел до конца, почему называл десятки людей «подмыми врагами народа», приговаривая их тем самым к пыткам и смерти?..

Как всегда, Берия опередил. Сделал чужими руками свое дело в Абхазии — и концы в воду.

По документам А. С. Аргба был арестован 18 сентября 1937 года. На первом же допросе 29 октября, как явствует из протокола архивно-следственного дела № 962203, оговорил себя. Хорошо зная методы НКВД, решил не упорствовать. Так поступало большинство его коллег-чекистов, как только они попадали в тюремные подвалы. В судебном заседании Аргба признал себя виновным и подтвердил показания, которые он давал на предварительном следствии. В тот же день 21 апреля 1938 г. был расстрелян по приговору суда.

Так он стал жертвой сталинско-берневских репрессий, а затем был реабилитирован. «Но правда восторжествовала, — писали о нем. — Доброе и честное имя его восстановлено. Память о верном сыне Коммунистической партии, несгибаемом солдате ленинской гвардии А. С. Аргба навсегда сохранится в народе, будет служить примером беззаветного служения Родине».

Вот в таком возвышенном духе последние три десятилетия только и писали об этом гвардейце — генерале НКВД и втором секретаре ЦК Азербайджана. Однако никто не обмолвился, что А. Аргба долгое время являлся одним из самых доверенных людей Берия. Впервые открыто об этом было сказано в моей книге «Очерки политической истории Абхазии», которая так разгневала директора из Пицунды.

Газета «Взгляд»... Извините, независимая газета «Взгляд» поместила статью З. Аргба под рубрикой «Полемика», и я, после некоторых раздумий, все же решил принять в ней участие. В то же время мне не доставляет удовольствия разывать эту, и без того очевидную, тему.

Нужна ли нам подобного рода полемика? Не будем забывать, что это слово переводится с греческого как «войнственный», «враждебный». Что касается меня, то я против враждебности, но.. за историческую правду.

С. ЛАКОБА.
14 декабря 1991 г.